

— Ленинград, 8 февраля 1980 г.

Дорогой Сашок!

— Год какой-то сумасшедший начался, ты не находишь?

— Рождественские каникулы я провёл в поездке по Зап. Украине, откуда большинство наших семинаристов. Колесил по городам и сёлам Галиции и Закарпатья, приобретая новые этнографические и гастрономические впечатления.

— В начавшемся семестре у меня две основные новости. Первая, - это то, что к середине мая я обязан, наконец, представить кандидатку, иначе... Митрополит сказал, что со следующего учебного года он не потерпит в своём учебном заведении преподавателей - не кандидатов.

— Казалось бы, надо сидеть и писать. Но не тут-то было. Одновременно я был извещён, что мне препоручается вести курс догматики в Семинарии. Это увеличивает мою преподавательскую нагрузку вдвое. Курс сложный, мне совершенно незнакомый. Приходится почти всё время тратить на чтение соответствующей литературы. К сожалению, все доступные учебные пособия устарелые, задолго до-революционные, безжизненно-схоластичные. Чтобы их преодолевать, надо вжиться в предмет, а это сразу не получается.

— Сначала неявно (во времена схоластических Сумм, скажем, у св. Фомы Аквинского), а затем явно и сознательно (со времён Декарта и Лейбница) утверждавшийся прямолинейный примат механической рассудочности вообще и в богословии в частности к концу XIX века привёл к кризису как богословие, так и физику. И если физика путём живой диалектики и гением некоторых смельчаков с успехом вырвалась из этого кризиса, то богословие, будучи наукой тесно связанной с социальным моментом жизни, а потому испытывающей большую тиранию консерватизма, с великими затруднениями преодолевает наивный рационализм веков упоения человеческим рассудком.

— Хотя ведь именно догматика IV-VIII веков, то есть времени живого развития богословия, могла бы послужить примером преодоления тупиков рассудка. Именно тогда широко пользуются и принципом относительности и принципом дополнительности, то есть теми сверхрассудочными постулатами, благодаря которым современная физика стала тем, что она есть.

— Предреволюционная яркая вспышка богословского творчества, спровоцированная ещё Влад. Соловьёвым, естественно, угасла, не дав определённых практических плодов. II Ватиканский Собор 60-х годов распахнул дорогу творчества на Западе. Ну а здесь мы пока вынуждены вздыхать над скучными учебниками конца XIX века.

— К счастью, для христианства богословие не столь важно, как для физики практической физика теоретическая. Ибо по существу своему христианство не есть учение и догматы, а исторический факт спасительного Откровения в Иисусе Христе и новая благодатная жизнь, созданная этим спасительным явлением на земле. Судьба личного спасения не решается знанием истин веры, даже обладанием "всякого познания": "Если ... знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру ..., а не имею любви, то я ничто" (1 Кор. XIII). Христос спасает разбойника на кресте, отпускает со словами оправдания хананеянку, сотника, грешницу и многих других, - всех тех, которые не могли принести Ему полного исповедания "учения", догматов христианства, но повергнули к Его ногам свою душу. Это подтверждается радостным спасением в недрах Церкви не только совершенных знатоков учения, но и многих миллионов людей, почти лишённых элементарнейших знаний до неумения отличить Иисуса Христа от Николая Чудотворца.

___Знание часто разделяет. Любовь - соединяет. Епископ и профессор, царь и нищий, святой и грешник, - в Церкви все равны, глагол Любви объединяет всех. Любовь же не есть учение и не плод учения. Это благодатная жизнь.

___Поэтому в Церкви учение - это одно из следствий церковной жизни (условное), а не условие церковной жизни.

___Знаю, что ты вроде бы будешь участвовать в ионосферном семинаре в Мурманске в середине февраля. Так что моё письмо, может, застанет тебя по твоему возвращению.

___Высылаю своё фото на документ. Выражение пустоватое, ну да уж как вышел.

___Привет и поцелуй Сашуле, твой Ианнуарий.

Отец Ианнуарий

___Это письмо я получил, действительно, уже вернувшись из Верхне-Тулومского, где мы были вместе с Саенко и Клименко с 9 по 14 февраля: на турбазе "Тулома" Мизун проводил 2-й семинар по моделированию полярной ионосферы. В числе приглашённых были Пудовкин, Гальперин, Фельдштейн, Осипов.

___С Николаем Константиновичем мы встретились в Мурманске перед посадкой в автобусы, отправлявшиеся в Верхне-Тулумский.

___- О, ребята! А мне с вами поговорить надо, - радостно приветствовал он нас. - У меня ваша статья на рецензии лежит, из "Геомагнетизма" прислали, рецензию я написал, да пока не отправляю, думаю, с вами увижусь, а всё как-то не получалось до сих пор.

___Ничего себе! Эту статью мы с Клименко отправили в "Геомагнетизм и аэронию" ещё перед Звенигородом, и с тех пор про неё ни слуху, ни духу, а она, оказывается, у

Осипова лежит, и он её держит, ждёт, мол, встречи с нами. А если б мы сюда не поехали? Сколько бы он ждал? Ну, ладно. Хорошо, хоть признался, что статья у него, рецензенты ведь обычно анонимны.

— В первый или второй день по приезде в Верхне-Тулумский, пока Осипов ещё не запил, мы обсудили с ним его рецензию, содержащую шесть пунктов с замечаниями, и рекомендовавшую нам переработать статью. По каждому пункту долго спорили, не понимая поначалу друг друга, но в конце концов разобрались и по инициативе Осипова составили совместное письмо в редакцию - ответ на рецензию, с которым он согласился при условии некоторых переработок статьи, на которые, в свою очередь, согласились мы.

— Но то, что он нашу статью два месяца просто промурыжил, мы ему простить не могли.

— Осипов теперь кооперировался с Гальпериным, и на семинаре они, точнее, Гальперин подняли много шума вокруг эффекта несовпадения географического и геомагнитного полюсов при моделировании полярной ионосферы. Я публично усомнился в такой уж драматичности ситуации с этим эффектом. Гальперин усомнился в том, что я понимаю физику явления. Я в свою очередь усомнился в наличии у него самого понимания как физики, так и технологии моделирования. Но всё, конечно, в корректной форме и без взаимных обид.

— Познакомились с Юрой Пономарёвым - собственно исполнителем расчётов, учитывающих несовпадение полюсов, и вполне поладили с ним. А в коридоре турбазы как-то вечером я случайно оказался в компании Власкова, Пономарёва и какого-то здоровенного черноволосого парня, который приехал в Верхне-Тулумский из Мурманска почему-то на мотоцикле. Он озирался по сторонам и говорил, что ему надо выступать, а здесь якобы Намгаладзе, не знает ли кто, как он выглядит?

— И страшно растерялся, засмутился, когда ему показали на меня. Оказалось, это Саша Можаяев, выученик Осипова из Ростова, очень толковый парень, пионер отечественного моделирования с учётом конвекции ионосферной плазмы, которому я уже как-то рецензировал его статьи. С ним у нас тоже установились хорошие отношения.

— На семинар мы привезли результаты своей новой совместной работы (я, Клименко и Саенко) по моделированию провала и плазмопаузы. В работе был учтён полярный ветер (идея Саенко, реализация наша с Володей), что позволило, наконец, получить плазмопаузу в натуральном её виде одновременно с провалом в F-области ионосферы. Мы первыми получили в одной модели картину связанных явлений: провал в ионосфере зимнего полушария, провал лёгких ионов у летнего основания протоносферы и плазмопауза в экваториальной плоскости магнитосферы. Докладывался я около часа, и доклад мой вызвал кучу вопросов, весомость результатов была признана аудиторией. Эти результаты были последними из тех новых, которые я собирался включить в свою докторскую. Написание её уже близилось к концу.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)